

Е. А. Адам

ДРАМА А.П. ЧЕХОВА «ТРИ СЕСТРЫ» В ПЕРЕВОДЕ С. ФОН РАДЕЦКИ

В статье анализируется перевод драмы А. П. Чехова «Три сестры» на немецкий язык, выполненный в 1960 г. С. фон Радеcki и придающий произведению чуждый для него и в целом для всей русской культуры рационалистический подход.

Ключевые слова: *драматургия, А. П. Чехов, перевод, интерпретация, Германия.*

Несмотря на то, что отечественное литературоведение давно занимается вопросами художественного перевода, немецкоязычные версии драм А. П. Чехова остаются недостаточно изученными. Данное исследование посвящено анализу драмы «Три сестры» в переводе Сигизмунда фон Радеcki (Sigismund von Radecki) [1].

Переводы «Трёх сестер» в Германии имеют более чем столетнюю историю, так как первые публикации пьесы на немецком языке появились еще при жизни Чехова, в 1902 г. Перевод С. фон Радеcki был уже далеко не первым; он вышел в свет в 1960 г., а в 1998 г. и 2004 г. был переиздан. Как и большинство драматических произведений, он предназначался для двух видов прочтений: литературного и сценического. Так, 5 января 1968 г. в Düsseldorfer Schauspielhaus состоялась постановка «Трёх сестер» по этому переводу режиссера Э. Аксера (Е. Ахер). Однако критики назвали спектакль «дюссельдорфским разочарованием» [2, с. 43]. Австрийский исследователь К. Беднарц (К. Bednarz) в качестве основного недостатка перевода Радеcki отмечал «немного своевольный личный стиль переводчика» [3, с. 258]. Попытаемся разобраться, в чем заключалось это своеволие.

Описание персонажей в переводе Радеcki дается практически без изменений. Во избежание ошибок в произношении переводчик даже проставляет ударения над именами действующих лиц. Должность Ферапонта, который у Чехова значится как сторож [4, с. 118], переводчик уточняет: Kanzlei-wächter [5, с. 4] (сторож, исполняющий обязанности канцелярского работника), что соответствует действиям этого персонажа по ходу пьесы, а няньку Анфису определяет немецким эквивалентом Kinderfrau, дополнительно в скобках давая транслитерацию Njânja (няня) и поясняя, что так зовут ее сестры, а по-французски этому соответствует Nounou.

Однако уже в переводе ремарок к I действию появляются смысловые отклонения от оригинала. Так, фраза «Полдень; на дворе солнечно, весело» [4, с. 119] у Радеcki переводится как «Zwölf Uhr mittags; draußen im Hof ist es sonnig und lustig» [5, с. 5] (Двенадцать часов дня; на улице во дворе солнечно и весело); переводчик не заметил, что в пьесе

Чехова эта фраза обозначает весеннее состояние природы, независимое от человека и контрастирующее с настроением сестер; он заменяет природное время на время, установленное человеком. Во второй части этой фразы переводчик ограничивает пространство, буквально передавая русское выражение «на дворе», и вводит сочинительный союз. Замена перечислительной интонации на сочинительную связь, а сочинительного союза *и* на противоположный – разделительный *или* является характерным отклонением в переводе Радеcki. Так, в первой ремарке указано, что Ольга «все время поправляет ученические тетрадки, стоя и на ходу» [4, с. 119]; союз *и* в данном случае имеет усилительное значение, а в переводе появляется разграничение: «Olga... korrigiert die ganze Zeit, stehend oder gehend, Schulhefte» [5, с. 5] (Ольга... все время, стоя или на ходу, делает поправки в школьных тетрадках).

В драме «Три сестры», по наблюдению Н. Е. Разумовой, Чехов по-новому освещает статус смерти: «Смерть утрачивает трагизм „финальности“, включаясь в общий ход жизни – как природной, так и человеческой, – в качестве ее составляющей» [6, с. 392]. В оригинале тема смерти размывается; в переводе же, наоборот, добавляется ее локальное присутствие:

Ольга. <...> Он был генерал, ... между тем народу шло мало [4, с. 119].

Olga. <...> Er war doch General, ... aber bei alledem folgten wenig Menschen dem Sarge [5, с. 5] (Он же был генерал, ... но все же за гробом шло мало людей).

Для сестер их прошлое соединяется в памяти с настоящим в едином временном потоке. Вся пьеса строится на соотношении «большого времени», объективного, не зависящего от людей, с «малым временем», отведенным отдельному человеку. Чехов показывает, что «малое время» бессильно перед «большим», которое, однако, необходимо каждому человеку для его существования, за исключением таких фигур, как Наташа и Протопопов. Как отмечает Н. Е. Разумова, «соотношение между этим „большим временем“ и временем отдельной человеческой жизни, облекающей в ту или иную

пространственную форму для самоидентификации, тематизируется в пьесе через высказывания действующих лиц» [6, с. 398]. Так, в оригинале Ольга вспоминает события, которые произошли одиннадцать лет назад, и говорит об этом в настоящем времени. Ее фраза «я отлично помню», имеющая субъективно-лирический характер, служит местом включения прошлого в настоящее. Переводчик же добавляет уточнение «wie um diese Zeit» (как в это время), которое разрушает это взаимопроникновение времен; фраза из субъективно-лирической становится повествовательной; соответственно изменяется и время: вместо длежащего, подобно движению жизни, оно становится прошедшим:

Ольга. <...> Отец получил бригаду и выехал с нами из Москвы одиннадцать лет назад, и, я отлично помню, в начале мая, вот в эту пору в Москве уже все в цвету, тепло, все залито солнцем [4, с. 119].

Olga. <...> Vor elf Jahren erhielt Vater die Brigade und zog mit uns aus Moskau fort, und ich erinnere mich genau, wie um diese Zeit, Anfang Mai, in Moskau schon alles blühte, wie es warm war und alles von Sonne übergossen [5, с. 5] (<...> Одиннадцать лет назад отец получил бригаду и выехал с нами из Москвы, и я точно помню, как в это время, в начале мая, в Москве уже все цвело, как было тепло и все залито солнцем).

В переводе Радецки человек становится более сознательным, рационалистичным. Например, в репликах Ольги и Ирины – «захотелось на родину страстно», «захотелось работать» – исчезает самопроизвольность импульсивных порывов; в словах сестер появляется логическая оформленность, осознанность желаний. В переводе Радецки человек становится субъектом, который рассматривает свою жизнь как объект, тогда как у Чехова субъектно-объектные отношения имеют тенденцию к все большей интеграции [6, с. 333–463]:

Ольга. <...> Сегодня утром проснулась, увидела массу света, увидела весну, и радость заволновалась в моей душе, захотелось на родину страстно [4, с. 119–120].

Olga. <...> Heute morgen wachte ich auf, sah das viele Licht, sah den Frühling, und Freude bewegte meine Seele, ich wünschte mich leidenschaftlich in die Heimat [5, с. 6] (<...> Сегодня утром проснулась, увидела много света, увидела весну, и радость заволновала мою душу, я захотела страстно на родину).

Ирина. <...> В жаркую погоду так иногда хочется пить, как мне захотелось работать [4, с. 123].

Irina. <...> Bei heißem Wetter möchte man manchmal so trinken, wie ich jetzt arbeiten möchte [5, с. 8] (<...> В жаркую погоду иногда так хотелось бы пить, как я сейчас хотела бы работать).

Рационалистичность мышления переводчика отражается и в синтаксическом оформлении разговоров, что в свою очередь вносит изменения в интонацию и ритм речи персонажей. Синтаксис утяжеляется, ассоциативно нанизываемые перечисления заменяются на логически выстроенные фразы с соответствующей пунктуацией. Так, в любовном признании Андрея сглаживается эмоциональная динамичность; в автохарактеристике Тузенбаха вместо самоиронии появляется элемент декламации; в слова Ирины, которые в оригинале полны раскаяния за проявленную черствость к чужому горю, Радецки вносит не соответствующую ситуации спокойную рассудочность, при этом изменив субъект с <она> на <я>:

Андрей. <...> Уверю вас, они шутят, они от доброго сердца [4, с. 138].

Andrej. <...> Ich versichere Ihnen: Sie scherzen, sie meinen es gut [5, с. 25] (<...> Я уверю Вас: они шутят, они желают добра).

Тузенбах. <...> Немецкого у меня осталось мало, разве только терпеливость, упрямство, с каким я надоедаю вам [4, с. 144].

Tusenbach. <...> Von Deutschem ist mir wenig geblieben: höchstens die Ausdauer und Hartnäckigkeit, mit der ich Sie langweile [5, с. 31] (<...> От немца у меня осталось мало: самое большее – выдержка и упорство, с которым я вам надоедаю).

Ирина. <...> Так и послала без адреса, просто в Саратов [4, с. 144].

Irina. <...> So schickte ich's auch ab: ohne Adresse, einfach nach Saratow [5, с. 32] (<...> Таким образом и я это отправила: без адреса, просто в Саратов).

Отдельные примеры в переводе Радецки указывают на то, что рационалистичность является не только основной составляющей его переводческого подхода, но и отражением его личного мировоззрения. Так, в рассуждениях Вершинина о своеобразии русского человека употребляется не категория «жизнь», как в оригинале, а «практическая жизнь», что значительно уже, к тому же разрушается однородно-разговорный стиль оригинала. Добавленное тире меняет интонацию высказывания и усиливает противопоставление того, что в оригинале подается как нераздельное и именно этим необъяснимое:

Вершинин. <...> Русскому человеку в высшей степени свойственен возвышенный образ мыслей, но скажите, почему в жизни он хватает так невысоко? [4, с. 143].

Werschinin. <...> Dem russischen Menschen ist hohe Denkart in höchstem Maße zu eigen – aber, sagen Sie mir, warum hält er sich im praktischen Leben auf so niedrigem

Niveau? [5, с. 30] (<...> Русскому человеку в высшей степени свойственен возвышенный образ мыслей – однако, скажите Вы мне, почему в практической жизни он держится на таком низком уровне?)

Мотив «жизнь», играющий очень важную роль в драматургии Чехова, в драме «Три сестры», по словам Н. Е. Разумовой, наполняется новым содержанием – «„жизни“ как всеобщего движения, становления как истории» [6, с. 389]. Переводчик не сохраняет этот мотив, а при повторах заменяет его на более абстрактную категорию «время», обозначающую в данном контексте лишь отрезок протяженностью в человеческую жизнь. Вследствие этого искажается смысл и исчезает переключка реплик персонажей:

Вершинин. <...> И может статься, что наша теперешняя жизнь, с которой мы так миримся, будет со временем казаться странной, неудобной, неумной, недостаточно чистой, быть может, даже грешной...

Тузенбах. Кто знает? А быть может, нашу жизнь назовут высокой и вспомнят о ней с уважением <...>

Чебутыкин. Вы только что сказали, барон, нашу жизнь назовут высокой; но люди все же низенькие... (Встает.) Глядите, какой я низенький. Это для моего утешения надо говорить, что жизнь моя высокая, понятная вещь [4, с. 128–129].

Werschinin. <...> Und es könnte schon sein, daß unser heutiges Leben, mit dem wir uns doch so abfinden, dann einmal seltsam erscheinen wird, unbequem, unvernünftig, nicht rein genug, vielleicht sogar sündhaft... [5, с. 15] (<...> И может быть, что наша сегодняшняя жизнь, с которой мы все же так миримся, когда-то потом будет казаться странной, неудобной, неразумной, недостаточно чистой, возможно, даже грешной).

Tusenbach. Wer weiß? Aber vielleicht wird man unsere Zeit auch groß nennen und ihrer mit Achtung gedenken <...> (Кто знает? А может быть, наше время также будут называть великим и вспоминать о нем с уважением <...>).

Tschebutykin. Sie sagten soeben, Baron, daß man unsere Zeit groß nennen wird; aber die Menschen sind ja doch alle ziemlich klein... (Erhebt sich.) Seht doch, wie klein ich bin. Das muß man mir zum Trost sagen, daß meine Zeit groß ist – ist doch klar [5, с. 15] (Вы только что сказали, барон, что наше время назовут великим; но люди все же все довольно маленькие... (Поднимается.) Посмотрите же, какой я маленький. Это мне нужно говорить для утешения, что мое время великое – ведь ясно).

Единство текста в оригинале создается не только движением скрепляющих его мотивов (прежде всего мотива «жизнь»), но и непосредственными локальными переключками, которые в переводе часто утрачиваются:

Вершинин. <...> Через двести, триста лет жизнь на земле будет невообразимо прекрасной, изумительной <...>

Тузенбах. Через много лет, вы говорите, жизнь на земле будет прекрасной, изумительной [4, с. 131–132].

Werschinin. <...> Nach zwei-, dreihundert Jahren wird das Leben auf der Welt unvorstellbar schön sein und zum Verwundern [5, с. 18] (<...> Через две-три сотни лет жизнь на свете будет невообразимо прекрасной и на удивление).

Tusenbach. Nach vielen Jahren, sagen Sie, wird das Leben auf der Erde schön sein und zum Verwundern [5, с. 18] (Через много лет, Вы говорите, жизнь на земле будет прекрасной и на удивление).

Не сохраняется повтор фразы «жизнь на земле» в репликах Вершинина и Тузенбаха, так как Радецкий использует два различных слова: *die Welt* и *die Erde*, так что ссылка Тузенбаха на слова Вершинина (*sagen Sie*) оказывается немотивированной. Таким образом, в переводе происходит двойное отступление от авторского текста: сначала в речи Вершинина в сравнении с оригиналом, что затем влечет утрату повтора у Тузенбаха. В окончании реплики полковника разбивается синтаксическая однородность, что меняет ритм фразы, столь существенный в драматургии Чехова. В немецком переводе используется субстантивированная форма глагола – *zum Verwundern*, что вызывало возмущение К. Беднарца [3, с. 259].

В отдельных случаях переводчик вообще опускает слово «жизнь», чем, например, лишает реплику Вершинина масштабных философских коннотаций, взамен наполняя ее чисто практическим содержанием:

Вершинин (ходит по сцене). <...> Тогда каждый из нас, я думаю, постарался бы прежде всего не повторять самого себя, по крайней мере создал бы для себя иную обстановку жизни, устроил бы себе такую квартиру с цветами, с массой света... [4, с. 132].

Werschinin (auf und ab gehend). <...> Dann würde sich jeder von uns, denk ich, bemühen, vor allem sich nicht zu wiederholen, würde sich wenigstens eine andere Umgebung schaffen, solch eine Wohnung mit Blumen einrichten, mit einer Menge Licht... [5, с. 19] (прохаживаясь взад и вперед). <...> Тогда каждый из нас, думаю я, постарался бы прежде всего не повторять самого себя, создал бы для себя по меньшей мере иную обстановку, обустроил бы такую квартиру с цветами, с массой света...).

Замена «обстановки жизни» на просто «обстановку» не меняет чисто локальной семантики, но ведет к разрушению «дальних» связей фразы со смысловыми доминантами произведения. Эта

связь нарушается здесь и еще раз: хотя в приведенном примере и используется точный эквивалент словосочетания масса света (eine Menge Licht), но в оригинале это звучит уже как повтор, поскольку впервые о массе света говорила Ольга в самом начале драмы [4, с. 120], и это навеяло ей воспоминания о детстве и Москве. В переводе повтор исчезает, потому что первый раз это выражение переводится иначе – das viele Licht [5, с. 6] (много света).

Мы видим, что в переводе Радецки наблюдается небрежное отношение к повторам, а у Чехова они выполняют очень важную роль, создавая отдаленные переключки между репликами персонажей. Так, выражение «вас заглушит жизнь» [4, с. 131] в качестве метафоры употребляется Вершининым, потом Ириной, когда со слезами на глазах она произносит: «У нас, трех сестер, жизнь не была еще прекрасной, она заглушала нас, как сорная трава...» [4, с. 135]. В переводе снова используются разные эквиваленты и повтор не соблюдается, к тому же при первом употреблении используется слишком далекий по смыслу эквивалент:

Werschinin. <...> das Leben wird Sie betäuben [5, с. 18] (<...> жизнь Вас одурманит).

Irina. <...> Für uns drei Schwestern war das Leben noch nicht schön, es hat uns zu ersticken gesucht wie ein Unkraut... [5, с. 23] (<...> Для нас, трех сестер, жизнь не была еще прекрасной, она пыталась заглушить нас, как сорная трава...).

Таким образом, драма «Три сестры» в переводе Радецки содержит значительные отступления от оригинала. Она подверглась рационалистической переработке в соответствии с мироощущением переводчика. Из речей персонажей исчезли признаки эмоциональной непосредственности, невыстроенности, подчиненной, однако, внутренней ритмической структуре пьесы. Переводчик же проявил невнимательное отношение к повторам, которые в оригинале образуют сквозные мотивы. Отдельные дополнения, которые Радецки вносит в текст, не имеют системного характера и определенной художественно-смысловой цели. Переводчик изменяет пунктуацию и интонацию реплик, что ведет к перемене ритма, на важность соблюдения которого обращал внимание режиссер П. Брук: «У Чехова... точки, запятые и многоточия имеют первостепенное значение... Если ими пренебречь, теряется ритм и напряжение пьесы» [7, с. 118]. Перевод Радецки был одним из тех переложений драмы Чехова на немецкий язык, по поводу которых К. Беднарц поставил вопрос о сценической пригодности: «Как раз недостаточно художественное качество переводов, а именно их „чуждость театру“ и непонимание по отношению к актерским и драматургическим элементам чеховского языкового выражения, могло послужить одной из причин существующего по настоящий момент столь неудовлетворительного положения со сценической историей Чехова в немецкоязычном пространстве» [3, с. 130].

Список литературы

1. Tschchow Anton. Drei Schwestern. Drama in vier Akten. Übersetzung von Sigismund von Radecki. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1960. 80 S.
2. Rischbieter H. Tschchow-Forderungen // Theater heute. 1968. Nr. 3. S. 42–44.
3. Bednarz K. Theatralische Aspekte der Dramenübersetzung. Dargestellt am Beispiel der deutschen Übertragungen und Bühnenbearbeitungen der Dramen Anton Čechovs. Wien: Verlag Notring, 1969. 300 S.
4. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. Т. 13.: Пьесы 1895–1904. М.: Наука, 1986. 526 с.
5. Tschchow Anton. Drei Schwestern. Drama in vier Akten. Übersetzung von Sigismund von Radecki. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2004. 96 S.
6. Разумова Н. Е. Творчество А. П. Чехова в аспекте пространства. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2001. 552 с.
7. Питер Брук о Чехове / Пер. М. А. Зониной // Литературное наследство. М.: Наука, 1997. Т. 100. Чехов и мировая литература. (Кн. 1). С. 118–120.

Адам Е. А., кандидат филологических наук, доцент.

Томский институт бизнеса.

Ул. Источная, 42, г. Томск, Томская область, Россия, 634050.

E-mail: Janeadva@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 08.09.2009.

E. A. Adam

DRAMA BY A. P. CHEKHOV „THREE SISTERS” IN THE TRANSLATION OF S. VON RADECKI

The article analyses the translation of the drama by A. P. Chekhov „Three sisters” into the German language that was done in 1960 by S. von Radecki. The translation added rational approach which was alien to this work and to the whole Russian culture.

Key words: *drama, A. P. Chekhov, translation, interpretation, Germany.*

Tomsk Institute of Business.

Ul. Istochnaya, 42, Tomsk, Tomsk Oblast, Russia, 634050.

E-mail: Janeadva@rambler.ru